

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 811.161.1, 282.2 (571.120) + 811.161.1, 373.4

doi: 10.17223/19986645/98/1

Состав и структура собирательных имен существительных в русских говорах юга Тюменской области

Елена Петровна Багирова¹, Елена Леонидовна Марандина²

^{1,2} *Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия*

¹ *bagirovaelena@mail.ru*

² *elipihina@yandex.ru*

Аннотация. На материале говоров юга Тюменской области предпринимается описание общего состава и структуры собирательных субстантивов. Авторы устанавливают способы выражения собирательности, выявляют инвентарь словообразовательных морфем, формирующих значение нерасчлененной совокупности предметов, выделяют основные лексико-словообразовательные группы собирательных слов и уточняют их производящую базу, определяют условия контекстуальной реализации аnumerальной семантики диалектных слов.

Ключевые слова: русская диалектология, тюменские говоры, имена существительные, категория собирательности, морфемы со значением собирательности, семантико-словообразовательная группа

Для цитирования: Багирова Е.П., Марандина Е.Л. Состав и структура собирательных имен существительных в русских говорах юга Тюменской области // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 5–29. doi: 10.17223/19986645/98/1

Original article

doi: 10.17223/19986645/98/1

The composition and structure of collective nouns in the Russian dialects of the south of the Tyumen region

Elena P. Bagirova¹, Elena L. Marandina²

^{1,2} *Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation*

¹ *bagirovaelena@mail.ru*

² *elipihina@yandex.ru*

Abstract. A description of the general composition and structure of collective substances is based on the material of the Tyumen dialects. The object of the analysis is lexical units (over 300) selected by continuous sampling from the *Dictionary of Russian Old-fashioned Dialects of the South of the Tyumen Region* and the personal archives of the authors. These are singularia tantum nouns with suffixes of collective semantics (redkolesje), nominations with syncretic suffixes combining the meaning of collectivity with other types of meanings (lesina), suffixless formations (mal, chern), nouns in

plural form with the meaning of collectivity (ozhimki, ditehi) and non-derivative collective substantives realizing the meaning of an undifferentiated plurality lexically (runo, orda) and contextually (zver, ryba). The research is based on a lexicographic and contextual description of the materials of the work. During the interpretation of the material it was found that in Tyumen dialects the meaning of collectivity is translated by the resources of the morphemic structure of words containing roots with a subject (bereznyak), a characteristic (bogatjo) and a procedural meaning (padina). The generating bases from which collective nouns are formed can be correlated both with the all-Russian word (materje, prutnyak) and with the regional word characteristic of the North Russian localization (lopatina, sarynyata). The frequent and productive ways of forming collective nouns include suffixation (chlopyata, kedrach). A smaller number of examples are presented by the substantives formed by the prefix (izgrebi), inflection (greb, chud), prefix-inflection (obled) and prefix-suffix (obmyalje, sryadje) in ways. The cases of substantiation (tkatskoje) and addition with suffixation (melkorosnik) are single. Suffixless, plural and contextually fixed collective substantives are rare and unproductive ways of forming collective nouns. The suffix is the most productive derivational formant expressing the meaning of collectivity. The following inventory of suffixes is in demand in Tyumen dialects: -nik- (17% of the total number of nominations), -j- (17%), -in- (13%) and suffixes -at- / -yat- (brodyazhata), -ach- (melkach,), -k- (zelenka), -shchin- (sgonshchina) and -stv- (mnogolydstvo). All-Russian affixes in Tyumen dialects can convey a wider range of meanings (the suffix -nik-, for example, is used to denote a collection of plants, a collection of people of the same age, objects defining the terrain and objects representing the treated parts of the tree), characterized by formal and semantic variation (obmyalje – ommyalje – ommyalja), have special synonymous relationships (kedrovnik – kedrach), additional expressive and stylistic differences (skotina – skotineshka – skotinyaka), and compatibility (for example, at the base of a dialect word we can observe two or more morphemes representing the meaning of collectivity (mend-ach → mend-ach-in-a, mend-ach-nik). The results of comparing the dialect material with the all-Russian linguistic facts show that the Russian old-time dialects of the south of the Tyumen region have a developed and very rich inventory of tools that form the grammatical, lexical and syntactic (contextual) meaning of collectivity.

Keywords: Russian dialectology, Tyumen dialects, nouns, category of collectivity, morphemes with the meaning of collectivity, semantic and word-formation group

For citation: Bagirova, E.P. & Marandina, E.L. (2025) The composition and structure of collective nouns in the Russian dialects of the south of the Tyumen region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 5–29. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/1

Вводные замечания

Собирательность как универсальная языковая категория активно изучается на обширном материале говоров разных диалектных зон России [1] и на базе отдельных говоров, в том числе новосибирских [2], вологодских [3, 4], ярославских [5], тюменских [6]. При всём многообразии исследований собирательных имён существительных на данный момент отсутствует исчерпывающее описание морфемной структуры этого класса слов на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области (говоры вто-

ричного образования, сохранившие материнские черты северовеликорусских или средневеликорусских говоров, перенесенных в XVI–XVIII вв. из европейской части России первыми поселенцами Сибири [7. Т. 1. С. 5]).

Актуальность работы определяется необходимостью своевременного изучения территориально маркированных языковых единиц, поскольку «на современном этапе развития социальной жизни процессы изменения говоров, утраты в них специфически диалектного протекают особенно интенсивно» [8. С. 44]. В связи с этим важно «собрать все то, что еще живо в народной памяти и сохраняется в русской народной речи» и тем самым способствовать возрождению интереса «к изучению диалектов, повысить их ценность как памятника нашей культуры и истории» [8. С. 44]. Кроме того, именно говоры располагают богатым материалом, позволяющим наблюдать живые словообразовательные процессы в национальном языке, всесторонне исследовать деривационные отношения, описать словообразовательные модели и определить закономерности функционирования собирательных существительных в условиях современной территориально ограниченной языковой ситуации.

Практическая значимость избранного аспекта исследования заключается в 1) выявлении закономерностей морфемного устройства русских говоров, которые, в отличие от кодифицированного языка, представляют сложную систему сосуществующих вариантов; 2) установлении инвентаря морфем, а также специфики их сочетаемости в структуре основ собирательных существительных; 3) обнаружении инноваций (специфичного использования продуктивных моделей), возможных в результате активного взаимодействия системы диалекта с литературным языком.

Объектом исследования в данной работе являются собирательные имена существительные, зафиксированные на территории функционирования тюменских говоров, предметом – их морфемная и словообразовательная структура.

Цель настоящей работы – описание способов выражения собирательности в субстантивах, зафиксированных в русских старожильческих говорах юга Тюменской области.

К анализу привлекаются существительные анумеральной семантики, реализующие значение нерасчлененной множественности с помощью специфических словообразовательных морфем со значением собирательности, а также лексемы, выражающие это значение семантикой корня либо контекстуально. В сферу нашего исследования вовлечено около 300 единиц, объединяющих 1) существительные *singularia tantum* с суффиксами собирательной семантики (*ремѣѣ, сорвачѣѣ, редколесьѣѣ*); 2) номинации с синкретичными суффиксами, совмещающими значение собирательности с другими типами значений (*дровянный, лесина*); 3) безаффиксные образования (*маль, чернь*); 4) существительные в плюралной форме со значением собирательности (*городки, ожимки, дитѣхи*) и 5) неизменяемые собирательные субстантивы, реализующие значение нерасчлененной множественности лексически (*руно, орда, гнус*) и контекстуально (*зверь, рыба*).

Источником фактического материала послужили «Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области» под редакцией С. М. Беляковой [7] и лексикографически обработанные неопубликованные полевые записи устной речи диалектоносителей в её естественном бытовании, собранные авторами в период с 1995 по 2017 г. (далее – ЛОНЗ).

Собирательные имена существительные в русской грамматической традиции

Обзор научной литературы по теме исследования показал, что в среде русских грамматистов сформировалось несколько трактовок понятия *собирательность*. В частности, в работах лингвистов находят отражение следующие подходы к пониманию собирательности:

1. Собирательность – лексико-грамматический разряд имен существительных, при квалификации которых учитываются следующие критерии:

а) семантический критерий, позволяющий отнести к собирательным существительным слова, обозначающие совокупную (нерасчлененную) множественность однородных предметов или лиц; собирательность, таким образом, строится на семантической оппозиции «один предмет – класс, совокупность однородных предметов» [9. С. 473];

б) грамматический критерий (отсутствие морфологической корреляции по категории числа), позволяющий отнести к собирательным существительным номинации, обозначающие неделимое множество, которое не поддается счету; подобные слова не имеют формы множественного числа и не сочетаются с количественными числительными (правда, многие из них могут определяться количественными наречиями *много*, *мало* и сочетаться с дробными числительными: *вся родня*, *часть молодежи*, *мало зелени*, *одна четвертая студенчества*, *куча листвы*). А.А. Реформатский отмечает, что подобные субстантивы представляют «по форме единственное», а «по значению множественное» число, им всегда соответствует считаемое существительное, имеющее формы обоих чисел: *зверь* (один предмет – форма единственного числа) – *звери* (два и более предметов – форма множественного числа) – *зверьё* (много предметов – форма единственного числа); по словам А.А. Реформатского, трехчленные количественные отношения наглядно представляют семантико-грамматическую сущность собирательности – «в собирательном множественность передается в форме единственного числа грамматически» [10. С. 394]. Особняком стоят существительные *singularia* и *pluralia tantum*, грамматические формы которых не передают количественных отношений, однако способны обозначать совокупность чего-либо. По мнению А.А. Камыниной, подобные слова выражают собирательность лексической семантикой (*мебель*, *хлам*, *деньги*, *дрова*, *джунгли*); при этом форма множественного числа оказывается менее «приспособленной» для воплощения идеи собирательности, поэтому центром поля собирательных существительных считаются слова *singularia tantum* [11. С. 39];

в) словообразовательный критерий, позволяющий квалифицировать собирательные существительные как производные номинации со специфическим аффиксом (*зверьё, человечество, листва, ребята, осинник, липняк, молодёжь*), в том числе нулевым (*ветошь, дичь, зелень, мелочь*), и реже непроизводные (*ботва, мусор, сор*). По Л.Л. Буланину, Н.М. Шанскому, А.Н. Тихонову, значение собирательности последних является компонентом их лексической семантики [12. С. 39; 13. С. 100].

2. Собирательным существительным считается любой субстантив, способный передавать смысл 'множественность, мыслимая как целое', даже субстантив, обладающий полной числовой парадигмой и не имеющий специальных словообразовательных примет (*стадо, стая, артель, полк, оркестр*). Подобное (широкое) понимание собирательности обнаруживается в работах А.Х. Востокова, А.А. Шахматова, А.Н. Гвоздева, Л.М. Навозовой, Д.И. Руденко и др. [14–18].

3. Собирательными существительными могут считаться слова, демонстрирующие контекстуальную собирательность. Таково, например, слово *белка* в предложении «*Много белки в лесу*» или слово *комар* в предложении «*Комар налетел*». Отнесение к собирательным словам (помимо сингулярных имён с морфемным показателем собирательности) номинаций, имеющих коррелятивные формы чисел, обосновывается в работах И.Э. Еселевич [19, 20], которая на широком круге примеров убеждает в том, что в значении собирательного слова со временем размываются грамматические признаки, в связи с чем релевантными для определения собирательных имен становятся исключительно семантические критерии. Поэтому собирательное существительное, по мнению исследователя, в первую очередь должно содержать указание на множественность объектов, их целостный характер, на качественную однородность этих объектов и на неопределенность их количества [19. С. 13–20]. Л.Л. Буланин и А.Н. Тихонов также упоминают о существительных, собирательное значение которых обусловлено лишь контекстом, без грамматического выражения, например, *Эта книга рассчитана на широкого читателя* [12. С. 39; 13. С. 100].

Авторы настоящего исследования придерживаются трактовки термина, согласно которой к разряду собирательных относятся субстантивы, обозначающие совокупность однородных предметов как неделимое целое, которое нельзя определить количественным числительным; значение собирательности при этом проявляется в области лексической и грамматической семантики и на уровне морфемной структуры (*молодежь, пехота, листва, зверье*). Аналогичный (комплексный) подход фиксируется в классических и современных работах, посвященных категории собирательности в русском языке [3, 9, 21–24].

Способы выражения значения собирательности в русских говорах Тюменской области

В тюменских говорах обнаружены две группы существительных с собирательным значением: а) дериваты от исчисляемых существительных, значение собирательности которых выражается средствами словообразования,

и б) имена существительные, у которых значение собирательности не обнаруживается формально, а выражается семантически или контекстуально.

Основным средством передачи значения нерасчленённой множественности в говорах являются морфемные показатели. Наиболее продуктивным деривационным формантом, выражающим значение собирательности, является суффикс **-ник-**. Собирательные существительные с данной морфемой представлены в нашей картотеке следующими лексико-словообразовательными группами (термин трактуем как группу производных имен существительных одного словообразовательного типа, объединённых на основе интегральной семы):

– совокупность травянистых растений и их частей: **бобóвник** ‘стебли бобов’ (*Бобы-те обóбрали, одíн бобóвник остáлса* [7. Т. 1. С. 59]), **картóвник** ‘ботва картофеля’ (*Картóвник-от свíньни истоптáли* [7. Т. 1. С. 302]), **моркóвник** ‘ботва моркови’ (*Маркóвник дурíт, а маркóви нéту – однé хвосты́* [7. Т. 1. С. 388]), **пáдальник** ‘колосья, оставленные в поле и проросшие весной’ (*Бывáт, кождá нечíсто уберёш, на бóдушишой гóт проростáёт пáдальник* [7. Т. 2. С. 120]) и др.;

– совокупность плодово-ягодных растений и их частей: **землянíжник** ‘кусты земляники’ (*Бедá, скóль вножы́но земленíжнику-ту, а ягот нéту* [7. Т. 1. С. 279]), **жидовíнник** ‘ягоды боярышника’ (*Йсь скýсна, хрушкá ягода, жыдовíнник, боярка-та* [7. Т. 1. С. 231]), **смородя́жник** ‘листья черной смородины’ (*Душы́цу собираю́ и смородя́жник* [ЛОНЗ]), **чернíжник** ‘разросшиеся кусты черники; заросли черники’ (*Вón какí здíзь борá, и чернíжнику полнó* [7. Т. 2. С. 366]), **сморóдинник** ‘кусты дикорастущей смородины’ (*Вьён растёт обы́чно ф сморóдинниках, вокрúк стволá обовьёца* [ЛОНЗ]), **ягодник** ‘совокупность каких-либо ягод’ (*На котóром мéсте ягодник растёт, земленíга, тóд земленíжник* [ЛОНЗ]) и др.;

– место произрастания совокупного множества плодово-ягодных растений: **глубнíжник** ‘место с кустами клубники’ (*У нас в лесу́ вно́го глубнíжничкоф, глубнíги вножы́но на íх* [7. Т. 1. С. 158]), **морóшешник** ‘болотистое место, где растет морошка’ (*А самá ягода на морóшошниках бывáт* [ЛОНЗ]), **голубíжник** ‘место в лесу, где растет голубика’ (*Гдé-ка голубíжник, тáмо и голубíга растёт* [7. Т. 1. С. 168]), **землянíжник, землянíчник** ‘место, где растет земляника’ (*Зáвтра на землянíчник пойду́* [7. Т. 1. С. 279]), **клю́квенник** ‘место на моховом болоте, где растет клюква’ (*Кругóm болóта, дáк и клю́квенничкоф полнó, на фсё́ зíму насобира́м клю́квы-то* [7. Т. 1. С. 310]) и др.;

– совокупность деревьев: **дровя́нник** ‘нестройной лес, идущий на дрова’ (*Дровя́ник – лес непригóдный для стрóительства* [7. Т. 1. С. 211]), **жёрдóвник, оглóбельник** ‘тонкий молодой лес’ (*Тóнкий молодóй лес – жёрдóвник, óн побóльшэ́ в объёме оглóбельника* [7. Т. 1. С. 229]; *Оглóбельник еши́ó мéньшэ́ жёрдóвника* [7. Т. 2. С. 82]), **кокóрник** ‘кривые, суковатые деревья, вывороченные с корнем’ (*У лени́вова хозя́ина зимóй и кокóрник згорíт* [7. Т. 1. С. 313]), **колóдник** ‘бурелом’ (*Ну-ко походí-ко по колóднику – нóги отвáлятса* [7. Т. 1. С. 315]), **сосéнник** ‘сосняк’ (*Лéс-то хорóш, у нас фсé́*

сосённик [7. Т. 2. С. 280]), *талóвник* ‘заросли тальника, небольшой кустарниковой ивы’ (*Вот по бéрегу и расьтёт талóвник* [ЛОНЗ]) и др.;

– совокупность предметов, представляющих обработанные части дерева: *сушн́ик* ‘сухие дрова в лесу, сухостой’ (*Сушнику́, сушнику́ в лесу, почё хóть ево́ не ч́истят* [7. Т. 2. С. 297]), *сырн́ик* ‘сырые дрова’ (*Дак т́ак сырн́иком и топ́или* [7. Т. 2. С. 299]), *подов́инник* ‘толстые дрова, которыми топили овин’ (*Котóро толсту́шио дéрево и некак не колётса, даг брос́али под ов́ин – подов́инникам топ́или* [7. Т. 2. С. 160]), *подстроп́ильник* ‘подстропильные брёвна’ (*Наносл́еде ф сруб́е идёт потстроп́ильник, за емя́ уш строп́ила пойд́ут* [7. Т. 2. С. 164]) и др.;

– совокупность объектов, определяющих рельеф местности: *кочка́рник* ‘болотистое место с кочками’ (*Кочка́рником то́пали, по сырóму м́есту с кóчками, покá до клю́квы-то дошли́* [7. Т. 1. С. 327]), *глазóвник* ‘заболоченное место с кочками’ (*Непросыхáюшио м́есто с кóчками – глазóвник* [7. Т. 1. С. 157]), *глызóвник* ‘место на болоте, покрытое кочками’ (*Сакáли по глызóвнику, дак фсé подóшвы оборвалá, ход́ила по клю́кву-ту* [7. Т. 1. С. 160]) и др.;

– совокупность людей одного возраста: *молод́яжник* ‘подростки, «незрелая» молодёжь’ (*Молод́яжник ф клуп́ собрал́ися* [7. Т. 1. С. 384]). Параллельно со словом *молод́яжник* в говорах употребляются общерусские слова *молод́ежь* и *молод́ежка* (ср.: *Молод́еш танцэв́ать в Медв́едево ход́ила* [7. Т. 1. С. 384]; *Молод́ешку-ту на покóс нáдо посыл́ать* [7. Т. 1. С. 384]), между которыми обнаруживается семантическая дистанция: в речевой практике диалектоносителей номинации *молод́яжник* и *молод́ежка* используются по отношению к подросткам 12–16 лет, а лексема *мóлодежь* – к людям старшего возраста (с 16 до 35 лет) и др.

Таким образом, в данной группе фиксируются производные, образованные по словообразовательным моделям «основа существительного + суффикс -ник-» (*кóбра* → *кóбр-ник*, *ягода* → *ягод-ник*), «основа существительного с наращением + суффикс -ник-» (*жердь* → *жерд-óв-ник*, *ива* → *ив-óв-ник*), «основа существительного с чередованием + суффикс -ник-» (*чернига* → *черн́иж-ник*, *глубнига* → *глубн́иж-ник*, *земляника* → *землянич-ник*), «основа прилагательного + суффикс -ник-» (*сырой* → *сыр-н́ик*), «основа прилагательного с чередованием + суффикс -ник-» (*сухой* → *суш-н́ик*), «приставка под- + основа существительного + суффикс -ник» (*овин* → *под-ов́ин-ник*, *строп́ила* → *под-строп́иль-ник*). К данной группе собирательных субстантивов примыкает сложное существительное с подчинительным отношением основ, содержащее осложненное суффиксом существительное (опорный компонент), которому предшествует уточняющая, конкретизирующая основа прилагательного *мелкорóсник* (*мелкий + рост* → *мелк-о-рóс-ник*).

Группа номинаций интересна тем, что в ней обнаруживается значительное количество вариативных форм собирательных существительных с тождественной семантикой. Так, например, значение ‘заросли черёмухи’ может быть реализовано лексемами *черемóжник*, *черемóшник*, *черемш́анник*, *черёмошник*, *черемш́ина* [7. Т. 2. С. 364]; значение ‘лес, богатый грибами,

грибное место' репрезентируется в словах *гри́бник*, *гри́бница*, *грибо́вница* [7. Т. 1. С. 178]; значение 'поваленные в лесу деревья, бурелом' – в словах *валёжник*, *валежняк* [7. Т. 1. С. 87]; 'маленький или редкий лес' – *редни́к* и *редня́к* [7. Т. 2. С. 230]; 'кедровый лес' – *кедро́вник* и *кедра́ч* [7. Т. 1. С. 305]. Фонетическая вариативность (различное произношение звуков и их сочетаний в одном и том же слове) приведенных номинаций может быть обусловлена факторами, связанными с механизмами артикуляции (темп речи, степень коартикуляции, просодические особенности высказывания, фразово-интонационные условия реализации слов в речи и т.д.), условиями коммуникации (спонтанная или подготовленная речь, монологическая или диалогическая и т.д.) и социолингвистическими факторами (ситуация общения, пол или возраст респондентов, круг их общения и т.д.). Сосуществование в говоре словообразовательных синонимов (*гри́бник* – *гри́бница* – *грибо́вница*; *кедро́вник* – *кедра́ч*; *черёмошник* – *черемшѝна*) и вариантов (*валёжник* – *валежняк*, *редни́к* – *редня́к*), как нам кажется, возможностью вовлечения в словопроизводство синонимичных по отношению к форманту -ник- суффиксов (нередко обладающих смысловой дифференциацией), позволяющих создать альтернативные словообразовательные модели, более удачные для репрезентации значения. Кроме того, отдельные собирательные субстантивы, имеющие вариативные суффиксы, реализуют в говорах полисемичные отношения, осложняющие коммуникацию. Так, в паре *мендачѝна* ← *мендач* производящее существительное является многозначным (Мендач – 1. Молодой сосновый лес. *Мендач – это лес с маленькими сосѝнками* [7. Т. 1. С. 379]; 2. Нестроевой лес, деревья с некачественной древесиной. *Округом у нас мендач, мендо́вой лес, скороспѝлой, скорѝ гниѝт, бо́ле в ѝм бо́лоны* [7. Т. 1. С. 379]), иные отношения между мотивирующим и мотивированным словом наблюдаем в паре *гриб* → *гри́бник*, где первое однозначно ('низшее растение, лишенное хлорофилла, размножающееся главным образом спорами' [25. Т. 1. С. 347]), а производное становится многозначным (*Гри́бник*. 1. Грибной лес. *У нас в гри́бниках-то красны, бѝлы грибо́ы, синя́фки, волни́нки беру́т* [7. Т. 1. С. 178]; 2. Пирог с грибами. *Щѝра́ гри́бник испекла́, фку́сный получи́лся, хотѝте?* [7. Т. 1. С. 178]; 3. Грибной дождь. *Гри́бник пошѝл ф про́шлом году́, и грибо́ы бѝли хоро́шыѝ* [7. Т. 1. С. 178]).

Зафиксированы в данной группе и синонимы с общим суффиксом, но разной производящей базой. Разнокорневые собирательные существительные, характеризующиеся денотативной общностью, могут быть средством уточнения характеристики поименованного множества объектов. Так, номинации *ивѝвник* (*ивѝвый* → *ивѝвник* 'заросли ивы' [7. Т. 1. С. 288]), *пру́тник* (*пру́т* → *пру́тник* 'молодые заросли ивы' [7. Т. 2. С. 208]), *мелкорѝвник* (*мелкий* + *рост* → *мелкорѝвник* 'молодые, небольшие по величине заросли ивы' [7. Т. 1. С. 379]), имея общую сему ('заросли ивы'), различаются дифференциальными.

Весьма внушительна в тюменских говорах группа существительных древнего словообразовательного типа с суффиксом -j-, практически утраченных современным литературным языком. Указанные субстантивы представлены несколькими семантическими группами:

– совокупность древесных, кустарниковых, травянистых растений и их частей (листья, ветви, плоды, кора, семена и т.д.): **вишенье** ‘совокупность вишневых деревьев’ (*Фсё нарушыли в этом саду, там ы вишэнье было, и смородина* [ЛОНЗ]), **сыролесье** ‘лес, растущий на сыром месте’ (*Сыролесье нехто не трогат, когда строитса, на сухим месыте выбирад для рупки лесот* [7. Т. 2. С. 299]), **колодьё** ‘упавшие деревья; короткие толстые брёвна с изгнившей серединой, оставшиеся в лесу после заготовки’ (*Ф колодливом месте одно колодьё лежыд гниёт* [7. Т. 1. С. 315]), **кустья** ‘кусты’ (*Не проберёсья чэрез ёте кустья, мелкова березнику, кустарнику полно* [ЛОНЗ]), **бадожьё** ‘прутья, палки’ (*Сколь ётова бадажья навалёно* [ЛОНЗ]), **долготьё** ‘длинные бревна, жерди, идущие на дрова или тес’ (*Долготьё пият, дак на дрова идёт* [7. Т. 1. С. 202]), **прутьё** ‘ивовые прутья’ (*В наводнёньё лошадёнок прутьём кормили* [ЛОНЗ]), **свежьё** ‘свежие овощи’ (*Мы топёрь со свежьём, поспёло фсё в огороде* [7. Т. 2. С. 255]), **сольё** ‘зерно’ (*Пойдёт на склат, возьмёт сольё* [7. Т. 2. С. 279]), **жатьё** ‘злаковые растения (пшеница, рожь и др.), готовые к уборке, жатве’ (*Как летом жатьё поспёт, хлёп как поспёт, серпой жали ходили* [7. Т. 2. С. 227]) и др.;

– совокупность вещей, хозяйственной утвари, предметов домашнего обихода: **кружовья** ‘кружки; половые коврики круглой формы’ (*Она влюбовинку вяжот кружовья-те* [ЛОНЗ]), **матерьё** ‘материал’ (*Како матерья купила баско* [ЛОНЗ]) и др.;

– совокупность материалов для строительства или изготовления предметов быта: **драньё** ‘дранка, тонкая деревянная планка для покрытия крыш’ (*Ковда дак и драньём кроют вместо тёса* [7. Т. 1. С. 210]), **жальё** ‘длинные узкие дощечки или прутья, из которых делаются рыболовные устройства, перегородки в узком месте реки’ (*Запор ладяд жальё.* [7. Т. 1. С. 225]), **вязья** ‘прутья для скрепления жердей, кольев’ (*Вязья надо привести* [7. Т. 1. С. 152]) и др.;

– совокупность различных отходов, остатков: **черёпья** ‘осколки от разбитого керамического изделия’ (*Кругом черёпья таскались* [7. Т. 2. С. 365]), **отрёпья** ‘обрезки, остатки ткани’ (*Платья шыли. Отрёпья куды девать?* [7. Т. 2. С. 110]), разноморфемные дериваты **обмяльё / оммельё / подмяльё** ‘отходы после обработки льна на мялке’ (*Мнёш когда, дак тожо костига-та лётит, оммяльё-то* [7. Т. 2. С. 74]; *Лён мнут на мялке, а оммельё отходит* [7. Т. 2. С. 74]; *Подмяльё – остатки, отходы ото льна* [7. Т. 2. С. 158]), **скопья** ‘большое количество чего-либо; то, что скопилось’ (*Молоко здаю ф казну, нёту скопья молока* [7. Т. 2. С. 267]), **одёньё** ‘остатки сена после складывания в копны’ (*Ковда не хватат сёна, дак и одёньё соберёш фсё* [7. Т. 2. С. 85]) и др.;

– совокупность предметов одежды, её деталей: **гарусьё** ‘расшитая гарусом одежда’ (*На полянке горит от народа – гарусьё тако* [7. Т. 1. С. 155]), **старьё** ‘старые, подержанные вещи’ (*Фсё старьё она из дому выфуркнула* [ЛОНЗ]), **ремья** ‘старая рваная, изношенная одежда’ (*Накopiлося у их ремья-та, фсякой рваной одежы* [7. Т. 2. С. 233]), **срядья** ‘одежда, верхнее

платье' (*Срядья не было, ф куфайках ходили* [7. Т. 2. С. 285]), **бисерьё** 'бисер' (*Ране бурмуэ-от носили рошиытой бисерьём* [7. Т. 1. С. 57]) и др.

Среди одушевлённых собирательных существительных рассматриваемой словообразовательной модели представлены:

– дериваты, маркирующие объединения людей по интересам, социальной роли, занятию и т.п.: **сорвачьё** 'непослушные дети, озорники' (*Дётушки-те сорвачьё растут – уёму никóво у их нёту* [7. Т. 2. С. 280]), **богачьё** 'богатые люди' (*Дерёвня у нас – одно богачьё* [7. Т. 1. С. 60]), **варначьё** 'озорники' (*Привыкли варначьё под óкнам хайлать* [ЛОНЗ]), **старичья** 'старые люди' (*Субóта, дак у нас старичья, дёдушко да баба Дуся, в баню иду́т* [ЛОНЗ]) и др.;

– дериваты, называющие насекомых: **мошкарьё** (*Нóньче мошкарьё заедёт* [7. Т. 1. С. 393]), **тараканьё** (*Тараканьё-то унесто́жылось* [ЛОНЗ]), **комарьё** (*Почё росхабарил óкна, комарьё-то налетит.* [ЛОНЗ]), **клопьяё** (*Раньшэ заедали клопьяё* [ЛОНЗ]) и др.

В описываемой группе субстантивов продуктивной является модель «основа мотивирующего слова + суффикс -j-» (*старьё, клопьяё*). Спорадически наблюдаются случаи распространения основы суффиксом -ов- / -ев- + суффикс -j- (*свежевьё* 'свежие овощи' [ЛОНЗ], *гороховьё* 'стебли гороха' [ЛОНЗ]). Кроме того, в данной группе фиксируются единичные дериваты префиксально-суффиксального образования (*обмяльё, оммельё* (фонетический вариант слова *обмялье* с диссимиляцией на стыке приставки и корня), *подмяльё, охвостьё* 'мякина') и сложное существительное с указанным суффиксом *сыролесье* ← сырой лес + -j-.

По нашим наблюдениям, в данной группе номинаций обнаруживаются слова трех типов: 1) отсубстантивные дериваты от исчисляемых существительных любого рода (тряпка → *тряпьё*, колода → *колодьё*, галька → *гальё*, кол → *кольё*, полено → *поленьё*), 2) отадъективные (старый → *старьё*, свежий → *свежьё*) и 3) отverbальные (обмять → *обмяльё / оммельё*, скопить → *скопьяё*). Образованные формы соотносительны с формами множественного числа и отличаются от них семантикой совокупности (*прут – прутья – прутьё, черепок – черепки – черепья*), однако имеются образования и от анумеральных субстантивов: *гарус – гарусьё, хлам – хламьяё*. Основы, от которых образованы собирательные существительные, могут соотноситься как с общерусским словом (*бисерьяё, матерьяё*), так и с региональным (*рямьяё* ← *ремки* 'ветхая, старая одежда, тряпьё'; *варначьяё* ← *варнак* 'хулиган, озорник').

Собирательные номинации указанного типа согласуются в говорах со сказуемым либо формально-грамматически, либо по смыслу, поскольку, представляя собой существительное в форме единственного числа, фактически означают множество предметов или объектов: *Варначьяё разби́ли стекло́-то, мечьям игра́ли да́к* [ЛОНЗ]; *Матерьяё-то како́ весёлинькоё, светáм игра́т* [ЛОНЗ]. Судя по имеющемуся материалу, неодушевленные существительные чаще всего согласуются формально-грамматически (сказуемое принимает такую же грамматическую форму, как и подлежащее), а

одушевленные – по смыслу (сказуемое принимает форму множественного числа).

Значительным количеством иллюстраций представлена группа субстантивов, собирательное значение которых реализуется с помощью аффикса **-ин-**:

– совокупность предметов одежды: **рядина** ‘нарядная одежда’ (*В рядинах ходили по праздникам* [7. Т. 2. С. 246]), **дурбятина** ‘одежда из холщовой ткани’ (*Дурбятини им нашьют, вот они и носятся всё лето* [7. Т. 1. С. 214]), **холицевина** ‘одежда из домотканой материи’ (*Ране всё холицовину носили* [7. Т. 2. С. 347]) и др. В данной тематической группе обнаружены разные типы синонимов – абсолютные, семантические и семантико-стилистические. Так, от слова *лопоть*, весьма распространенного в русских старожильческих говорах Тюменской области, образовано значительное количество дериватов со сходным собирательным значением и вариантными суффиксами, реализующими эмоционально-экспрессивный компонент в семантической структуре слова: **лопати́на** ‘верхняя одежда; тряпьё’ [7. Т. 1. С. 361], **лопати́нка** и **лопати́ночка** ‘тёплая верхняя одежда’ [7. Т. 1. С. 361], **лопати́шка** и **лопати́нка** ‘старая одежда’ [7. Т. 1. С. 360], устойчивое сочетание *верховая лопоть* ‘верхняя одежда’ [7. Т. 1. С. 100].

Значение ‘одежда из домотканого холста’ представлено в говорах Тюменской области разнокорневыми словами с вариантными аффиксами **холицевина**, **дурбятина**, **портянина**, **холстянина**, **холицовка**. В данном случае можем говорить о денотативной синонимии (абсолютной, поскольку все члены ряда имеют тождественный смысл), источником которой стали единицы общерусского языка (*холицовка*, *холицевина*, *холстянина* ← холст) и тюменских говоров (*портянина* ← *порт* ‘домотканое льняное полотно’); производящую базу суффиксального (как нам представляется) производного *дурбятина* установить не удалось;

– общие названия обуви представлены в говоре двумя номинациями с указанным суффиксом – **обувина** и **обуина** (‘название обуви вообще’ [7. Т. 2. С. 78]). С этим же значением функционируют в тюменских говорах лексемы с другими аффиксами – **обува**, **обуй**, **обужа**, **обутка**, **обучошка**. В последней единице синонимического ряда происходит наращение семантики: за счёт суффикса субъективной оценки появляется коннотативный пейоративный компонент значения (*Ляпти мы не носили здесь, какую-нибудь обучошку старенькую* [7. Т. 2. С. 80]);

– совокупность деревьев, травянистых растений и их частей: **мендачина** ‘нестройной лес, деревья с некачественной древесиной’ (*Боле болони – мендачина уш* [7. Т. 2. С. 379]), **лесина** ‘лес как строительный материал’ (*Вот не помню скоко за лесину плотили* [7. Т. 2. С. 352]), **гороховина** ‘стебли гороха’ (*Гороховина во кака больша* [7. Т. 1. С. 174]), **кошенина** ‘скошенная, но еще не высохшая трава’ (*Надо кошанину грести* [7. Т. 1. С. 328]), **черемшина**, **феремшина** ‘заросли черемухи’ (*У нас растёт и черемшина почти у кажнова* [7. Т. 2. С. 364]; *Феремшина у нас росла, яголки на ней фкусны росли* [7. Т. 2. С. 337]) и др. Производные слова данной семантико-словооб-

разовательной группы в большинстве своем моносеманты. Исключение составляют производные субстантивы *болóтина* (*болóтина* ← болото) и *лесíна* (*лесíна* ← лес). Так, например, слово *болóтина* только в первом и третьем значениях имеет сему 'собирательность', во втором и четвертом значениях оно выступает как вариант с тождественным (или весьма близким) производящему слову значением: **Болóтина**. 1. Трава, растущая на болоте. *Болóтина жóстка* [7. Т. 1. С. 63]. 2. Непроточная, застоявшаяся вода. *Болóтина – водá дурнá* [7. Т. 1. С. 63]). 3. Лес, растущий на болоте. *Но болóтину-то никак не пройти* [7. Т. 1. С. 63]. 4. Топкое место, болото. *Вýдасья болóтина – ёздят в опхóт* [ЛОНЗ]. Дериват *лесíна* в говорах может функционировать с единично-увеличительным (*Упáла лесíна тóлта* [ЛОНЗ]) и собирательным значением (*Когдá лесíну-то на дóm возíли* [7. Т. 1. С. 352]). В описываемой группе системными единицами лексического уровня являются не только полисеманты. Примером системных отношений служит однозначное слово *дурн́йна*, которое вступает в вариативные отношения со словом *дурн́йца* и синонимические – со словами *дурмéтина*, *дурбéнь*, *сор*, *бурья́к*, репрезентирующими в говорах значение 'любая сорная трава' [7. Т. 1. С. 214];

– совокупность представителей животного мира: *гнусíн* 'большое количество комаров' (*Гнусíна ётово хватáет* [7. Т. 1. С. 162]), *животíна* 'общее название домашних животных и птицы' (*Из жывотíны у нáс тóлько курóчки* [ЛОНЗ]), *скотенíна* 'домашний скот' [7. Т. 2. С. 267] (в этом же значении в говорах используются слова *скотинёшка* и *скотинья́ка* [7. Т. 2. С. 267]) и др. К указанному ряду номинаций примыкают дериваты с семантикой собирательности, осложненные суффиксом со значением ласкательности, – *гуся́тинка* ← *гуся́тина* 'общее название для домашней водоплавающей птицы' [ЛОНЗ]), *порося́тинка* ← *порося́тина* 'общее название домашних свиней' (*Кóзы у кáждава почтí ёсь, гуся́тинка ёсь, порося́тинка ёсь* [ЛОНЗ]). Считаем возможным в рамках данной семантико-словообразовательной группы выделить образования, функционирующие в говорах в собирательном значении 'трупы животных, мертвечина': *па́длина* (*На па́длину-ту медвёть идёт* [7. Т. 2. С. 121]), *падíна* (*В гóлот ы падíну ёли* [7. Т. 2. С. 121]), *пропáстина* (*Нéчем бýло кормítь, вóт за ёту пропáстьтину и драли́сь* [7. Т. 2. С. 204]) и *пропáстíна* (*Для пропáстьтíны спесы́ально мéсто отведёно у нáс* [7. Т. 2. С. 204]);

– совокупность лиц: *друж́йна* 'свадебные чины, входящие в свадебный поезд жениха' (*На конé воронóm я свезу свою́ друж́йну* [7. Т. 1. С. 211]), *малузгóтина* 'маленькие дети' (*Малузгóтина-то фсё бéгат* [7. Т. 1. С. 369]) и др.;

– совокупность пищевых продуктов: *аржанíна* 'любые хлебные изделия из ржаной муки' (*Ковó боле – аржанíну ёли* [7. Т. 1. С. 27]), *прясн́ина* 'кулинарные изделия из песочного или бисквитного теста' (*Фáхли, арéшки – дак ёто усё прясн́ина* [7. Т. 2. С. 210]), *солон́ина*, *солен́ина* 'засоленные овощи' (*Заготóвили г зимé рáзной солен́ины – огурсóф и помедóр* [7. Т. 2. С. 278]; *Для опетíту солон́ину поедя́т* [7. Т. 2. С. 278]).

Продуктивными при образовании собирательных субстантивов с суффиксом -ин- являются следующие словообразовательные модели: «основа производящего слова + суффикс» (*лесина, лопотина, болотина, гнусин* и др.), «основа производящего слова + суффикс + суффикс» (*поросятина, гусятина, солонина, скотенина, портянина* и др.), «приставка + корень + суффикс» (*обуина* и др.). Отмеченные модели могут сопровождаться усечением производящей основы (*животина* ← животное) и чередованиями разного рода на морфемных швах (например, к/ч: *всячинá* ‘всякие вещи’ ← всякий). По частеречной принадлежности дериватов выделяем отсубстантивные слова (*гусятина* ← гусь, *гороховина* ← горох, *обуина* ← обувь и др.), отадеквативные (*аржанина* ← ржаной, *пряснина* ← пресный (я//е), *дурнина* ← дурной и др.) и отвербальные (*солонина* ← солить, *падина* ← падать (в значении ‘умирать’), *пропастина* ← пропасть, *кошенина* ← косить (с/ш) и др.).

Меньшим количеством примеров представлены дериваты со следующими суффиксами:

– субстантивы с суффиксом -н(я): суффикс способствует реализации собирательного значения а) ‘группа людей’ (*ребятня, челедня* ‘дети’: *Фсё бабы, да ребятня* [ЛОНЗ]; *А сейчяз бездэльничят ребетня, по деревне ша-таца* [ЛОНЗ]); б) ‘совокупность растений’ (*гречня* ‘гречиха’: *Рóш сйели, пшанису, коноплэ, гречня была* [7. Т. 1. С. 178]);

– субстантивы с суффиксом -ств-: суффикс передает значение собирательности в словах, обозначающих совокупность лиц (*многолюдство* ‘большое количество людей’, *старчество* ‘старики’, *родство* ‘родня, родственники’: *А счяс у нас многолюдство* [7. Т. 1. С. 382]; *А щяс нас, старчество, старикóф, собирают* [ЛОНЗ]) и совокупности предметов (*жительство* ‘совокупность жилых построек’: *Шылко горéло жытельство* [7. Т. 1. С. 232]);

– субстантивы с суффиксом -от-: суффикс со значением нерасчлененного множества объектов фиксируем в таких территориально ограниченных словах, как *школотá* ‘школьники’, *чернотá* ‘общее название представителей коренных народов Кавказа или Средней Азии’, *свиномá* ‘общее название домашних свиней’, *глухотá* ‘приданое невесты’, *мухотá* ‘мухи’, *страмотá* ‘мелкий мусор’. В этом же ряду отметим устойчивое сочетание слов с собирательным значением *всякая всякотá* ‘смесь разнородных вещей, набор чего-либо’ (*У меня здéсь фсякой фсякоты насóжэно* [7. Т. 1. С. 137]);

– субстантивы с суффиксом -ат-: суффикс обнаруживается в номинациях, обозначающих совокупности детей – *бродяжáта, хлопенáта, сарынáта, колганяáта* (*А дэти-то чё, каг бродяжáта ходят* [7. Т. 1. С. 73]; *Скóль у ёй сарынáт!* [7. Т. 2. С. 252]; *Куды мý такie хлопенáта?* [7. Т. 2. С. 344]; *Колганяáта вы мой!* [ЛОНЗ]). В тюменских говорах при обозначении совокупности детей как синонимичные используются лексемы *дитёшка, робетишка*, которые мыслятся как собирательные лишь в определенном контексте: *Шшяз дитёшка нахáльна, дай да дай* [7. Т. 1. С. 197]; *Робетишка зимой с катушки катáются* [7. Т. 1. С. 304];

– субстантивы с суффиксом **-к-**: суффикс регулярно употребляется при образовании существительных со значением средства осуществления действия, названного мотивирующим словом (ср. *наки́дка* ‘вид рыболовной сети’ ← *наки́дывать*; *скру́тка* ‘скрученная нарезанная полосками ткань, предназначенная для вязания’ ← *скру́тить*), однако в исследуемых говорах также фиксируются номинации, в которых суффикс **-к-** передает значение собирательности: *зелёнка* ‘трава, которую сеют для сельскохозяйственных нужд’, *наве́йка* ‘очищенное от мякины и сора, провеянное зерно’, *шерстя́нка* ‘изделия из шерсти’ (*Зелёнка для молодёва скота высева́тца* [7. Т. 1. С. 279]; *Отсарту́руют после провие́нья, дак наве́йка* [7. Т. 2. С. 20]; *Шерстя́нка фся́ка была́, пла́тье чёрно, бе́ло, зелёно* [7. Т. 2. С. 390]). С данным суффиксом и приставкой **о-** в говоре образуются имена существительные, обозначающие остатки или отбросы какого-либо вещества, получаемые в результате какого-либо процесса: *ожы́мки* ‘остатки семян масличных растений, получаемые после отжима из них масла’ (*Ожы́мки с молоко́м и ёли* [7. Т. 1. С. 89]), *ожы́нки* ‘остатки стеблей злаков после жатвы’ (*В войну́-то ожы́нки и те́ собира́ли* [7. Т. 1. С. 89]);

– субстантивы с суффиксом **-ищ-**: суффикс может передавать значение ‘множественность, мыслимая как целое’, а также побочные созначения – размерно-оценочное (увеличительность) и эмоционально-оценочное (пренебрежительность): *орды́ща* ‘большое скопление людей, толпа’ (*Орды́шища, семьи́шища у нас* [7. Т. 2. С. 100]), *руны́ще* ‘большое количество детей раннего возраста’ (*Руны́шишо у их – ма́л ма́ла ме́не* [7. Т. 2. С. 244]). Данные модификаты примечательны еще и тем, что исходное слово, от которого образовано производное, изначально обозначало конкретный предмет внешнего мира, представляющий собой множество объектов определенного рода (*орда варваров, руно рыбы* и т.д.);

– субстантивы с суффиксом **-ащй-**: суффикс, имеющий общерусское значение ‘процессуальность или результат действия’, реализует в говорах собирательное значение в слове *механиза́ция* ‘совокупность сельскохозяйственной техники’ (*Тепе́рь фсе́ механиза́цыя де́лат, та́к ле́кче* [7. Т. 1. С. 381]);

– субстантивы с суффиксом **-ар(ь)**: суффикс реализует собирательное значение в производных субстантивах, называющих совокупность насекомых (*мошкáрь* ‘мошкара’) и растений (*пихта́рь* ‘пихтовый лес’): *Мошкáрь заеда́ет, на ву́лицу не хажу́* [7. Т. 1. С. 393]; *Пода́ле-то в лесу́ фсе́ пихта́рь* [7. Т. 2. С. 144];

– субстантивы с суффиксом **-к-**: суффикс встретился лишь в двух отглагольных образованиях – *рва́нка* ‘старая, износившаяся одежда’ ← *рваный* ← *рвать* (*Ны́тки де́сятый но́мер бра́ли да рва́нку – че́ изно́ситца* [7. Т. 2. С. 229]), *па́данка* ‘упавшие с кедра шишки’ ← *паданый* ← *падать* (*Ковда́ ви́тер заду́ёт, шы́шка ва́литца, ёто па́данка* [7. Т. 2. С. 120]);

– субстантивы с суффиксом **-ач-**: суффикс наравне с конкретно-предметным значением (*рога́ч* ‘ухват’, *волна́ч* ‘гриб волнушка’), значением лица по преобладающему признаку (*сева́ч* ‘сеятель’, *сорва́ч* ‘озорник’) способен передавать собирательное значение ‘совокупность однородных растений’:

пихта́ч ‘пихтовый лес’ (Пожáр-от товдá бýл, дак пихта́ч горéл [7. Т. 2. С. 144]), *кедрáч* ‘лес, состоящий из кедровых деревьев’ (*Кедра́ч-от бере́кчи на́до и ра́ньшэ вре́мя не шышка́рничать* [7. Т. 1. С. 305]), *мелка́ч* ‘мелколесье’ (*Мелка́ч – это ме́лкий ле́с, или мелколéсье* [7. Т. 1. С. 378]) и др.;

– субстантивы с суффиксом **-щин-**: суффикс участвует в образовании слов с собирательным значением ‘группа предметов или лиц, характеризующаяся признаком, названным мотивирующим словом’: *верховщи́на* ‘общее название деревень, расположенных на горе’ [7. Т. 1. С. 100] (основа существительного *верх* с наращением + суффикс -щин-), *сго́щи́на* ‘приехавшие на данное место со всех концов России’ [7. Т. 2. С. 257] (основа существительного *сгон* + суффикс -щин-), *соро́щи́на* ‘бранные слова и выражения’ [7. Т. 2. С. 280] (основа существительного *сором* ‘брань, ругань’ + суффикс -щин-), *отре́щи́на* ‘одежда из грубой, домотканой материи’ [7. Т. 2. С. 110] (усеченная основа производящего прилагательного *отре́нной* ‘сшитый из волокна самого низкого качества’ + суффикс -щин-), *своеде́льщи́на* ‘что-либо, изготовленное домашним способом, своими руками’ [7. Т. 2. С. 255] (усеченная основа прилагательного *своеде́льный* ‘самодельный’ + суффикс -щин-).

В тюменских говорах значение собирательности могут получать существительные, образованные безаффиксным путем. Таковыми, например, являются производные, мотивированные словами следующих частей речи:

а) именем прилагательным (*ма́ль* ‘маленькие дети’ ← малый, маленький, *ново́* ‘хлеб нового урожая’ ← новый, *че́рнь* ‘общее название для уроженцев Кавказа’ ← чёрный, *чу́дь* ‘нерусское население’ ← чудный, *го́ль* ‘бедные неработающие люди’ ← голый, *рва́нь* ‘потрепанная, рваная одежда’ ← рваный, *пья́нь* ‘пьющие люди’ ← пьяный): *Озорные́, ма́ль, сидéли за па́ртой* [7. Т. 1. С. 370]; *Пе́рвой урожа́й з залóгу но́вью зоут* [7. Т. 2. С. 65]; *Че́рнь кругóм наводни́ла* [7. Т. 2. С. 366]; *Округóм чу́дь живёт* [7. Т. 2. С. 374]; *Шо́ль да го́ль идёт* [ЛОНЗ]; *Отку́леца хоть óн пришóл тако́й голенда́стой, одна́ рва́нь на ём* [ЛОНЗ];

б) глаголом (*гре́бь* ‘готовое к уборке высохшее сено’ ← грести, гребу, *ло́нь* ‘место с нагромождением поваленных деревьев’ ← ломать, *по́есть* ‘падаль как приманка для медведя’ ← поеда́ть ‘есть’, *обле́дь* ‘маленькие льдинки на поверхности воды’ ← обледенеть): *Гре́нь ф сто́к скла́дывали* [7. Т. 1. С. 177]; *Пройдёш ёту ло́нь, и та́м гры́бы зачну́тца* [7. Т. 1. С. 359]; *Прима́нка для мидве́дя – по́еть* [7. Т. 2. С. 166]; *Ф колóтсах настыва́т обле́ть, че́рнаш, а в водé как то́нки льди́нки* [7. Т. 2. С. 74];

в) причастием (*напи́лень* ‘напиленные дрова’ ← напиленный): *Бра́т-то поку́да напи́лень увезёт* [7. Т. 2. С. 40];

г) именем существительным (*па́лист* ‘молодая листва’ ← палисток, *о́воць* ‘огородные растения’ ← овощи, *объе́дь* ‘остатки еды, недоеденные продукты’ ← объедки, *отхо́д* ‘остатки урожая’ ← отходы): *Как на э́той на бе́рёзоньке мно́го па́листу* [7. Т. 2. С. 124]; *У меня́ о́воць фся́кая растёт* [ЛОНЗ]; *Сви́ньям объе́дь ра́зну броса́ю.* [7. Т. 2. С. 80]; *Рóбиж де́нь, и рóбиши но́чь; даду́т како́во-нибу́ть отхо́ду* [7. Т. 2. С. 113].

При безаффиксном способе образования собирательных субстантивов наблюдаем следующие морфонологические явления: а) чередования звуков производящей основы (ломать → *ломь*), б) усечение основы (палисток → *пáлист*) и в) изменение места ударения (гресті́ → *грéбь*).

Безаффиксные номинации, широко представленные в общерусском словаре, в тюменских говорах относятся к редким явлениям (15 ед.). Преобладают в наших материалах имена с собирательным значением лица, мотивированные прилагательным (*чернь, чудь, голь* и др.). Слова указанной морфемной структуры практически не имеют вариативных форм; лишь единицы из них вступают в синонимические отношения (*маль – ребя́тня – челёда – челядь – сары́нята; пбе́дь – пададь – па́длина – пади́на – пропасти́на* и др.).

Небольшим количеством примеров представлены в нашей картотеке формы собирательных *pluralia tantum* (14 ед.): *поста́ухи, посто́ухи* 'предметы кухонной утвари, стоящие в беспорядке; грязная посуда', *плоши́нки* 'дрова для топки печей' [7. Т. 2. С. 146], *пилё́нки* 'неколотые дрова' [7. Т. 2. С. 143], *пости́лаху* 'небольшие коврики ручной работы' [ЛОНЗ], *толбу́тки* 'кухонная утварь, посуда' [7. Т. 2. С. 307], *горо́дки* 'неубранная, расставленная в беспорядке посуда' [ЛОНЗ], *кану́ны* 'расставленная в беспорядке посуда' [ЛОНЗ], *заёмки* 'деньги, отданные в долг' [ЛОНЗ], *саду́шки, садо́вки* 'овощи, предназначенные для выращивания семян' [7. Т. 2. С. 249], *обно́ски, опо́рки* 'старая обувь, одежда' [7. Т. 2. С. 96], *ошу́рки* 'поджаренные кусочки вытопленного сала, шкварки' [ЛОНЗ]. В данном случае неисчисляемые имена не связаны с количественным противопоставлением денотатов (*один стол → десять столов; ? → ошу́рки, опо́рки, толбу́тки*) и обозначают множество неразделяемых элементов, воспринимаемых как целое: *Са́ло исто́пиши, а ошу́рки с карто́шкам ёш* [7. Т. 2. С. 119]; *Разоста́вила опе́ть кану́ны, не пойме́ш, где-ка че́ стои́т* [ЛОНЗ]; *Сро́ду фку́те горо́тки у ёй, ходо́ бы прикрыва́ла че́м* [7. Т. 1. С. 174]; *К емя́ зайдёш, дак у их уш фсе́гда́ поря́док: не поста́ух, нече́* [7. Т. 2. С. 183]; *Заёмки отда́ть на́до* [7. Т. 1. С. 252] и др.

Весьма объемную группу образуют единицы, выражающие собирательное значение лексически (без специфических суффиксов): *приро́да* 'родня' (*Ой, това́, што́б жани́тса, фсю́ приро́ду переберу́т, хто́ оне́ и отку́да, како́ у их наслёсво* [7. Т. 2. С. 196]), *ми́р* 'народ' *Веть ту́т сто́лько ми́ру и не́кому рабо́тать* [ЛОНЗ] и др. Подобные неисчисляемые номинации не сочетаются с количественными числительными и обозначают следующие реалии:

а) качественно однородную (*чередо́ха, челё́да, челя́дь, сары́нь, ро́ща, алаки́я, сары́нь* 'дети' и др.) и неоднородную (*у́рва* 'толпа' [7. Т. 2. С. 327], *ро́ща* 'люди одного возраста, одного поколения' [7. Т. 2. С. 242] и др.) совокупность лиц;

б) совокупность объектов животного (*добы́ча* 'весь улов рыбы' [7. Т. 1. С. 196]) и растительного мира (*кóнда* 'совокупность крепких сосен, лес из них' [7. Т. 1. С. 317], *сор, дурбе́нь* 'любая сорная трава' [7. Т. 1. С. 214; Т. 2. С. 279], *брунь / бронь* 'колосья, оставшиеся на поле после жатвы' [7. Т. 1.

С. 74], *забóка* ‘трава, растущая на затопленных весной местах’ [7. Т. 1. С. 238]);

в) совокупность однородных предметов (*мизгá / мезгá* ‘картофельные отходы при изготовлении крахмала’ [7. Т. 1. С. 381], *паргá* ‘отходы от льна, мочала при тканье рогож’ [7. Т. 2. С. 6], *хлам, шарабóра* ‘негодные старые вещи, всё бесполезное, ненужное’ [7. Т. 2. С. 384], *кошель* ‘тряпки, старые вещи’ [7. Т. 1. С. 328], *мануфакту́ра* ‘изделия фабричного производства’ [ЛОНЗ]).

Как видно из приведенных иллюстраций, общая характеристика множеств нередко отражается в метонимических (очень часто ситуативных) собирательных номинациях. Например, названия коллективных совокупностей строятся на базе аналогии, сходства или сравнения с денотатом, наименование которого лежит в основе такого переноса: *ордá* ‘татарское войско’ → *ордá* ‘большое количество детей’; *руно́* ‘диал. куча, стая, косяк’ → *руно́* ‘большое количество детей’; *саранчá* ‘насекомое, перелетающее большими массами’ → *саранчá* ‘большое количество детей’; *табу́н* ‘стадо копытных животных, пасущихся вместе’ → *табу́н* ‘большое количество детей’. Во многих случаях вторичные значения развиваются при переосмыслении конкретного по лексико-грамматическому разряду общерусского субстантива, получившего в новых условиях речи контекстуальное грамматическое значение собирательности: *гад* ‘насекомые’ (*Как поды́мётся́ этот гáт – глаза́ выведáют* [7. Т. 1. С. 153]), *мéлочь* ‘группа корнеплодных овощей’ (*Картóшку посади́ли, а мéлочь ёшо не сажáли* [7. Т. 1. С. 379]) и др. Подобные образования характеризуются большим количеством дериватов, находящихся в синонимических отношениях, что позволяет выделить более тонкие, чем в литературном языке, оттенки смыслов, значимые для коммуникации различия и сходства значений пересекающихся собирательных субстантивов: *ордá* – *руно́* – *чéлядь* – *саранчá* – *табу́н* – *роща* и др.

Заключение

1. В тюменских говорах собирательное множество может быть представлено с помощью словообразовательных (*мухотá, молодё́жка*) и семантических (*чéлядь, ордá*) производных, а также словосочетаний (*верховáя лóпоть, кондóвой лес, подса́дистой кедрóвник* ‘кедровые деревья с боковыми отростками, сучьями, идущими от самого комля’, *жарóвой кедрóвник* ‘высокие, несуковатые кедровые деревья’), которые объединяются в восемь лексико-семантических групп: 1) совокупности лиц (*сорвачё, ребя́тня, бродяжата, богатьё, шко́лота*); 2) совокупности объектов, определяющих рельеф местности (*кочка́рник, кочка́рное место, глазо́вник*); 3) совокупности животных и насекомых (*мошка́рь, комарё, мухота, скотиня́ка*); 4) совокупности растений (*дурни́ца, сосняг, кедрáч, ивовник, зимóво*); 5) совокупности предметов быта (*коробё, обивня*); 6) совокупности предметов одежды и обуви (*старё, отопка, шерстя́нка, дурбя́тина* ‘холщовая одежда’, *лопа́тина*); 7) совокупности продуктов питания (*аржанíна,*

прянніна, соленина) и 8) совокупности различных отходов, остатков (*пелёва* ‘шелуха, оставшаяся после просеивания хлеба’, *изгрёби*, *обмялье*, *пачеси / пачесы*, *пачусник* ‘отходы после обработки льна’, *торіца* ‘отходы или отбросы, оставшиеся после обработки’, *потруски* ‘отходы, оставшиеся после просеивания муки’, *мезга / мизга* ‘картофельные отходы при изготовлении крахмала’ и др.)

2. На территории распространения тюменских говоров значение нерасчлененной множественности предметов транслируется ресурсами морфемной структуры слов, содержащих корни с предметным (*скотинёшка*, *березняк*), признаковым (*дурнина*, *богатыё*) и процессуальным значением (*падина*, *рванка*, *скопё*). Имеющийся материал показывает, что в говорах преобладает отсубстантивное и отадельное производство, отглагольные дериваты им значительно уступают. Производящие основы, от которых образованы собирательные существительные, могут соотноситься как с общерусским словом (*матерьё*, *прутняк*, *паданка*), так и с региональным, характерным для севернорусской локализации, словом (*ремьё*, *лопáтина*, *малузбóтина*, *сарынята*, *сороміцина*).

3. По нашим наблюдениям, в говорах имеются как одновалентные (сочетающиеся с производящими основами одной части речи) суффиксы (например, суффикс *-аль* (*падаль*), так и многовалентные (сочетающиеся с основами нескольких частей речи). Последние представлены трехбазовыми (т.е. составляющими три словообразовательных типа – отсубстантивный, отадельный и отглагольный) суффиксами, например, суффиксом *-j-* (*тряпка* → *тряпё*, *колода* → *кодоё*; *старый* → *старё*, *свежий* → *свежё*; *скопить* → *скопё*) и двухбазовыми, например, суффиксом *-няк*, способным сочетаться с основами имен существительных (*берёза* → *березняк*, *сосна* → *сосняк*) и прилагательных (*молодой* → *молодняк*, *редкий* → *редняк*).

4. К частотным и продуктивным способам образования собирательных существительных относится суффиксация (*бродяжата*, *кедрач*, *мошкарё*). Меньшим количеством примеров представлены субстантивы, образованные безаффиксным (*маль*, *гребё*, *чудь*), префиксально-бессуффиксальным (*обледь*) и префиксально-суффиксальным (*обмялье*, *срядё* ← *рядина* ‘нарядная одежда’, *обноски* ‘поношенная, ветхая одежда’ ← *носить*) способами. Случаи субстантивации (*огородноё* ‘овощи’, *мелкоё* ‘овощи, которые сажают в огороде в небольшом количестве’, *зимовó / зимово* ‘озимые культуры’, *хлёбноё* ‘любая пища, приготовленная из злаков’, *ткацкоё* ‘об изделиях, выполненных на ткацком станке, тканьём’) и сложения основ с суффиксацией (*сыр-о-лесё*, *мелк-о-росник*) являются единичными. Кроме того, в тюменских говорах зафиксированы номинации с затемненной морфемной структурой. Речь идет о тех ситуациях, когда не представляется возможным установить производящее слово (*чёкобрёчки* ‘посуда, кухонная утварь’ (*чёкобр-юч-к-и / чёкобрюч-к-и*), *торіца* ‘отходы или отбросы, оставшиеся после обработки злаковых’ (*тор-иц-а / ториц-а*), *дурбятина* ‘холщовая

одежда' (*дурб-ят-ин-а* / *дурбят-ин-а*) или присутствует множественная мотивация морфемной структуры (слово *подотрёпки* 'отходы обработки льна, получившиеся в результате трепания льняного волокна' ← *трепать* (*подотреп-к-и*) или *подотрёпки* ← *отрѣпи* 'сырьё, полученное при первичной обработке льна, волокно самого низкого качества' (*под-отреп-к-и*) и др.). Сложности в членимости основ могут быть связаны и с фонематическим варьированием лексем, приводящим к затемнению внутренней формы (*пáчеси* – *пáчусник* 'остатки льна после его вычесывания').

Обнаруженные в ходе исследования аффиксальные морфемы собирательных основ относятся к общерусскому морфемному фонду. Выделяем многочисленные локально не ограниченные в употреблении суффиксы (*-от-*, *-ач-*, *-ник-*, *-ств-* и другие), префиксы (*о-*, *от-*, *с-*) и интерфиксы (*сухо-*стой, *мелк-о-*рос). Наиболее продуктивным деривационным формантом, выражающим значение собирательности, является суффикс. Востребован в тюменских говорах следующий инвентарь суффиксов: **-ник-** (17% от общего числа номинаций), **-j-** (17%) и **-ин-** (13%). Также активность при образовании дериватов проявляют суффиксы **-ат-** / **-ят-** (*сарынята*, *бродяжата*), **-ач-** (*мелкач*, *мендач*), **-к-** (*шерстянка*, *зелѣнка*), **-щин-** (*сгóнщина*, *отрѣпщина*) и **-ств-** (*жительство*, *многолю́дство*, *родство*). Активизация в диалектном словопроизводстве книжного суффикса **-ств-**, обладающего соответствующей функционально-стилевой окраской (ср.: *духовенство*, *офицерство*, *студенчество*, *начальство*), по мнению Т.Н. Поповой, может быть связана с экстралингвистическими факторами: «...развитие общественно-политической жизни, перестройка системы культурных отношений способствуют расширению круга употребления абстрактной лексики в диалектном языке, она начинает входить в активный словарный запас» [26. С. 93]. Единичны в наших материалах примеры с суффиксами **-ик-** (*осиновик* 'дрова из осины') и **-як-** (*скотиня́ка* 'домашний скот'). Таким образом, в тюменских говорах при словопроизводстве используются продуктивные в общенациональном языке суффиксы собирательности, однако в речи диалектоносителей наблюдаются (в некоторых случаях весьма регулярно) дериваты с суффиксами, которые в «Русской грамматике» [21] относятся к нерегулярным (уникальным), например, суффиксы **-ач** (*кедра́ч* ← кедр; *менда́ч* ← менда́ (менда́ / мянда́ 'мелкая сосна с рыхлой древесиной, растущая в низменных местах'), *пихта́ч* ← пихта, *мелкач* 'лес с невысокими деревьями' ← мелкий); **-узг-** / **-юзг-** (*мелюзга́* ← мелкий; *малузга́* / *малузго́тина* ← малый). К частотным средствам собирательности в «Русской грамматике» [21] и в работах В.В. Виноградова [27], З.А. Потихи [28] относятся суффиксы, которые в наших материалах представлены единичными примерами: **-в-** (*мальва́*, *пацанва́*, *детва́* и др.); **-н'** (*обивня*, *пóжня* и др.).

5. Выбор суффиксов в говорах регулируется характером маркируемых предметов, представленных в их совокупности. Так, например, суффикс **-ин-** употребляется, как правило, для обозначения совокупности предметов одежды (*дурбя́тина*, *ряди́на*, *портяни́на* *холстяни́на*, *холщеви́на*, *лопати́на*),

для обозначения совокупной множественности растений и площадей, занятых ими, чаще используется суффикс **-ник-** (*сосённик, черемо́шник, голуби́жник, кедровник*), суффикс **-j-** становится маркером нерасчлененной множественности частей растений (*колодьё, бадожьё, долготьё, прутьё*), а суффиксы **-н(я)** (*ребятня, челедня, шатовня*), **-ат-** / **-ят-** (*бродяжста, хлопнята, сарынята*) и **-ств-** (*старчество*) избираются для передачи семы совокупной собирательности лиц.

6. Общерусские аффиксы в тюменских говорах могут передавать больший спектр значений (суффикс **-ник-**, например, используется не только для обозначения совокупности растений, но и совокупности людей одного возраста, объектов, определяющих рельеф местности и предметов, представляющих обработанные части дерева), характеризоваться формальным и семантическим варьированием (*обмялье – оммялье – оммяля*), иметь особые синонимические связи (*молодьяжник – молодёжка; кедровник – кедряч*), дополнительные экспрессивно-стилистические различия (*обува – обувина – обучашка; скотина – скотинёшка – скотиняка*) и сочетаемость (например, в основе диалектного слова можем наблюдать две и более морфем, репрезентирующих значение собирательности: *молод-ёжь* → *молод-ёж-к-а, молот-ёж-ник*; *менда* → *менд-ач* → *менд-ач-ин-а, менд-ач-ник*). Отмечена еще одна характерная особенность морфемной структуры региональных субстантивов – семантическая неоднозначность собирательных аффиксов, которая снимается контекстом. Например, аффикс **-ин-**, имеет сложную семантическую структуру, поскольку помимо значения нерасчлененной множественности (*дурни́на, аржанни́на, солени́на*) может совмещать пейоративное значение (*малузбо́тина*) и значения выделенности из множества, единичности и величины (*леси́на*) (ср.: *Когда лесину-то* ('лес как строительный материал') *на дом возили* [7. Т. 1. С. 352]; *Эту лесину-то* ('срубленное дерево, идущее на постройку') *на верх заташиыл* [7. Т. 1. С. 352]). Аналогичную синкретичность демонстрирует суффикс **-j-**, который помимо совокупности предметов (*свежьё, богатъё, колодьё*) может передавать отрицательно-оценочное (пейоративное) значение (*варначъё, сорвачъё, мошкарьё*). Возможно, существование параллельных производных с иным суффиксальным морфем позволяет носителям говоров преодолеть эту семантическую неоднозначность (*скотени́на – скотинёшка – скотиняка*).

7. В исследуемых говорах обнаруживаются весьма внушительные синонимические ряды собирательных номинаций, образованных от одной основы и различающихся только выбором суффикса (*обувина – обуина – обува – обутка – обучашка; прутник – прутняк – прутьё*), причем нередко фиксируются ряды, включающие производящую и производные основы (*лопоть – лопати́на – лопоти́на – лопатёшка – лопатёнка; мендач – мендачник – мендачина*). Наличие рядов однокоренных синонимов, образованных от одной производящей основы, позволяет предположить, что суффиксы словообразовательных синонимов осмысляются диалектоносителями как тождественные и их выбор не всегда определяется семантикой производящей основы.

8. В ограниченном количестве (по сравнению с общерусским языком) представлены в тюменских говорах плюральные формы субстантивов со значением собирательности, реализованные а) формами множественного числа конкретных существительных (*дитёшка, дитёнки, робетёшка, дитёхи* ср.: *Шиáz дитёшка нахальна, да́й да да́й* [7. Т. 1. С. 197]; *Безуёмны робетёшка у сусётки-то, нечё с емя не мógуд зьдёлать* [ЛОНЗ]; *Но дитёхи симпатичные уж больно* [ЛОНЗ]; *Дитёнками звали и щелядью звали* [ЛОНЗ]) и б) существительными *pluralia tantum* (*толбётки, садóвки, обнёски, опóрки, постоухи*).

9. Презентация собирательного значения в говорах возможна (помимо уже указанных способов) посредством конкретных существительных с лексическим и контекстуально обусловленным значением совокупности. В первом случае субстантивы не имеют в своей морфемной структуре особых словообразовательных формантов (*саранча́, у́рва, конда́, мизга́*), поэтому значение нерасчлененной множественности выражают семантически (слова называют совокупность однородных объектов, воспринимаемую как единое целое). Во втором случае значение собирательности выражается контекстуально. Сравним, например, варианты собирательного и раздельного представления количества в пределах одного субстантива: *Ры́ба быва́т: карма́сь, окунь, чеба́г да меска́н ишио́* [ЛОНЗ] – *Сёгоды оне́ вно́го ры́бы-то приво́зят, хоро́шой уло́ф-то да́к* [ЛОНЗ]; *Дафко́м-то* (ловушкой) *мо́жно пт́ицу и зве́ря лови́ть* [ЛОНЗ] – *Лутóк – пт́ица водопла́ваюшша* [ЛОНЗ] и *Горноста́ль – то́ зве́рь хи́шной* [7. Т. 1. С. 173]. Здесь, как нам кажется, можно наблюдать речевую обусловленность значений собирательности, проявляющуюся в сосуществовании форм для представления того или иного количества в пределах одной лексемы. Следует отметить, что в разговорной практике диалектоносителей регулярно встречаются случаи употребления конкретных существительных с контекстуально обусловленным значением совокупности: *Мо́й тя́тя носил а́зям-от* (*азя́м* ‘верхняя долгополая одежда крестьян из домотканой материи’), *на ём толсто́ сукно́ изла́жэно, верховá одёжа* [7. Т. 1. С. 24] и *Весь а́зям она́ на ле́тней ку́хне фикафу́ храни́ла* [7. Т. 1. С. 24] (*азя́м* ‘любая долгополая верхняя одежда’). *Гу́ню-то постира́ш и дума́ш: усне́т вы́сохнуть, шоб мо́жно ф клуб итьт́и* [7. Т. 1. С. 182] (*гу́ня* ‘платье из холста с рукавами’) – *Э́то уж гу́ня, ве́тха одёжа* [7. Т. 1. С. 182] (*гу́ня* ‘старая, изношенная одежда’). Контекстные факторы в данных контекстах играют решающую роль в определении значения слова, поскольку обеспечивают референтную определенность существительного единственного числа, указывающего на совокупное множество предметов.

Контекстуальную зависимость проявляют и те номинации, которые возникли в результате семантической (неморфологической) деривации. Как правило, это касается метонимической репрезентации совокупной множественности лиц (*руно, ро́ца* и др.), животных (*га́д* и др.) и растений (*ме́лочь* и др.). Во многих случаях семантика подобных номинаций определяется не

только их лексико-семантическим составом (*орда́, табу́н* ‘большое количество детей’), но и контекстуальным окружением: *Сыро в лесу́, болоти́на, так та́м га́дов полно́, га́дин-то* [ЛОНЗ] (*га́д* ‘земноводное или пресмыкающееся животное’ [25. Т. 1. С. 295]); *Упе́дь га́т в огоро́де-то завё́лса, фсю́ мо́ркофь перетаска́ют е́те крýсы* [7. Т. 1. С. 153] (*га́д* ‘грызуны, опасные для сельского хозяйства’) и *Как поды́ме́ца е́тод га́т – глаза́ выеда́ют* [7. Т. 1. С. 153] (*га́д* ‘вредные насекомые’); *Приро́ду-то шы́пко люблю́, краси́во, че́ поде́лаш!* [ЛОНЗ] (*приро́да* ‘окружающий нас материальный мир, все существующее, не созданное деятельностью человека’ [25. Т. 3. С. 437]) и *На́ша приро́да-то не шы́пко бойка́, смире́на* [7. Т. 2. С. 196] (*приро́да* ‘родня’). Приведенные примеры убеждают в том, что контекст не только идентифицирует и актуализирует языковую единицу, но и активизирует определенные ассоциации, влияющие на её толкование.

Таким образом, обнаруженные закономерности дают основание утверждать, что русские старожильческие говоры юга Тюменской области располагают развитым и весьма богатым инвентарем средств, формирующим грамматическое, лексическое и синтаксическое (контекстуальное) значение собирательности. Словарь тюменских говоров объединяет собирательные субстантивы общеупотребительного лексического фонда, используемого всеми диалектоносителями, и потенциальные слова, созданные путем индивидуального подбора морфем. Появление речевых новаций продиктовано такими лингвистическими и экстралингвистическими факторами, как внутренние закономерности существования и развития говора; отсутствие письменной кодификации, приводящей к формированию широкого круга потенциальных возможностей системы диалектного языка; подвижность норм, влияющая на свободу выбора и сочетаемости лексических единиц и морфем в составе нового производного слова; действие законов аналогии и экономии речевых средств; способы осмысления действительности в языковом сознании носителей языка; социальные причины и др.

Примечания

ЛОНЗ – Лексикографически обработанные неопубликованные (рукописные) записи, произведенные авторами с целью изучения русских говоров Тюменской области (личные архивы авторов).

Список источников

1. *Азарх Ю.С.* Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М. : Наука, 2000. 178 с.
2. *Петропавловская Л.В.* Собирательные существительные в русских говорах Новосибирской области // Русская лексика в историческом и синхронном освещении : сб. науч. ст. Новосибирск : Наука, 1985. С. 38–58.
3. *Крылова А.Б.* Региональная специфика структурной организации собирательных имен существительных в современных вологодских говорах // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2008. № 2 (8). С. 37–42.

4. Крылова А.Б. Структура диалектных собирательных имён существительных в современных вологодских говорах : дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2010. 194 с.
5. Ховрина Т.К. Словообразовательные и семантические особенности собирательных существительных в ярославских говорах // Вестник Костромского государственного университета. Специальный выпуск. 2017. Т. 23. С. 145–148.
6. Багирова Е.П. Варианты наименований детей в русских говорах юга Тюменской области // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1 (52). С. 70–75.
7. Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области : В 2 т. / под ред. С.М. Беляковой. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2014. Т. 1. 400 с.; Т. 2. 516 с.
8. Вендина Т.И. Диалектное слово: вчера, сегодня, завтра // Вестник Костромского государственного университета. Специальный выпуск. 2017. Т. 23. С. 44–49.
9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая российская энциклопедия, 2000. 688 с.
10. Реформатский А.А. Число и грамматика // Вопросы грамматики : сб. ст., посвященный 75-летию акад. И.И. Мещанинова. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1960. С. 384–400.
11. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология. М. : Изд-во МГУ, 1999. 240 с.
12. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М. : Просвещение, 1976. 208 с.
13. Современный русский язык : В 3 ч. Ч. 26 Словообразование. Морфология / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. М. : Просвещение, 1987. 256 с.
14. Востоков А.Х. Русская грамматика. 10-е изд. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1859. 355 с.
15. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка / под ред. С.П. Обнорского. М. : Юрайт, 2017. 235 с. (Серия «Антология мысли»)
16. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1: Фонетика и морфология. М. : URSS, 2022. 472 с. (Серия «Лингвистическое наследие XX века»)
17. Навозова Л.М. Словообразовательная форма собирательности и логическое содержание категории собирательности в современном русском языке // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: форма и значение. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 143–157.
18. Руденко Д.И. Имя в парадигмах «философии языка». Харьков : Основа, 1990. 299 с.
19. Еселевич И.Э. Из истории категории собирательности в русском языке. Казань : Изд-во Казанского университета, 1979. 162 с.
20. Еселевич И.Э. Отражение лексико-семантической категории лица в истории собирательных существительных в русском языке // Исследования по семантике : сб. науч. тр. Уфа, 1983. С. 57–62.
21. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. 789 с.
22. Высоцкая И.А. Русское собирательное имя в лингвопрагматическом аспекте. Ростов н/Д, 2002. 116 с.
23. Тихонов А.Н. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология. М. : Цитадель-трейд, 2002. 464 с.
24. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Мир и образование, 2022. 624 с.
25. Словарь русского языка : В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. 1. 1985. 696 с.; Т. 3. 1987. 752 с.
26. Попова Т.Н. Когнитивный аспект русского диалектного словообразования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2 (019). С. 88–97.

27. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М. : Русский язык, 2001. 720 с.

28. Потиха З.А. Как сделаны слова в русском языке. Л. : Просвещение, Ленингр. отд-е, 1974. 125 с.

References

1. Azarkh, Yu.S. (2000) *Russkoye imennoye dialektnoye slovoobrazovanie v lingvogeograficheskom aspekte* [Russian Nominal Dialect Word Formation in the Linguistic-Geographic Aspect]. Moscow: Nauka.
2. Petropavlovskaya, L.V. (1985) Sobiratel'nye sushchestvitel'nye v russkikh govorakh Novosibirskoy oblasti [Collective nouns in Russian dialects of the Novosibirsk region]. In: *Russkaya leksika v istoricheskom i sinkhronnom osveshchenii* [Russian Vocabulary in Historical and Synchronic Perspective]. Novosibirsk: Nauka. pp. 38–58.
3. Krylova, A.B. (2008) Regional'naya spetsifika strukturnoy organizatsii sobiratel'nykh imen sushchestvitel'nykh v sovremennykh vologodskikh govorakh [Regional specificity of the structural organization of collective nouns in modern Vologda dialects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie*. 2 (8). pp. 37–42.
4. Krylova, A.B. (2010) *Struktura dialektnykh sobiratel'nykh imen sushchestvitel'nykh v sovremennykh vologodskikh govorakh* [Structure of dialectal collective nouns in modern Vologda dialects]. Philology Cand. Diss. Vologda.
5. Khovrina, T.K. (2017) Slovoobrazovatel'nye i semanticheskie osobennosti sobiratel'nykh sushchestvitel'nykh v yaroslavskikh govorakh [Word-formative and semantic features of collective nouns in Yaroslavl dialects]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Spetsial'nyy vypusk*. 23. pp. 145–148.
6. Bagirova, E.P. (2019) Varianty naimenovaniy detey v russkikh govorakh yuga Tyumenskoy oblasti [Variants of names for children in Russian dialects of the south of the Tyumen Region]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (52). pp. 70–75.
7. Belyakova, S.M. (ed.) (2014) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti* [Dictionary of Russian Old-Settler Dialects of the South of the Tyumen Region]. Vols 1–2. Tyumen: Tyumen State University.
8. Venedina, T.I. (2017) Dialektnoye slovo: vchera, segodnya, zavtra [Dialect word: yesterday, today, tomorrow]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Spetsial'nyy vypusk*. 23. pp. 44–49.
9. Yartseva, V.N. (ed.) (2000) *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. Great Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya.
10. Reformatskiy, A.A. (1960) Chislo i grammatika [Number and grammar]. In: *Voprosy grammatiki* [Issues of Grammar]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 384–400.
11. Kamynina, A.A. (1999) *Sovremennyy russkiy yazyk. Morfologiya* [Modern Russian Language. Morphology]. Moscow: Moscow State University.
12. Bulanin, L.L. (1976) *Trudnye voprosy morfologii* [Difficult Issues of Morphology]. Moscow: Prosveshchenie.
13. Shanskiy, N.M. & Tikhonov, A.N. (1987) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian Language]. Part 26. Moscow: Prosveshchenie.
14. Vostokov, A.Kh. (1859) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. 10th ed. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
15. Shakhmatov, A.A. (2017) *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Sketch of the Modern Russian Literary Language]. Moscow: Yurayt.
16. Gvozdev, A.N. (2022) *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk* [Modern Russian Literary Language]. Part 1. Moscow: URSS.
17. Navozova, L.M. (1985) Slovoobrazovatel'naya forma sobiratel'nosti i logicheskoye sodержanie kategorii sobiratel'nosti v sovremennom russkom yazyke [Word-formative form of collectivity and logical content of the category of collectivity in modern Russian].

- In: *Voprosy slovoobrazovaniya v indoevropskikh yazykakh: forma i znachenie* [Issues of Word Formation in Indo-European Languages: Form and Meaning]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 143–157.
18. Rudenko, D.I. (1990) *Imya v paradigmakh "filosofii yazyka"* [Name in the Paradigms of "Philosophy of Language"]. Kharkiv: Osnova.
 19. Eselevich, I.E. (1979) *Iz istorii kategorii sobiratel'nosti v russkom yazyke* [From the History of the Category of Collectivity in Russian]. Kazan: Kazan State University.
 20. Eselevich, I.E. (1983) Otrazhenie leksiko-semanticheskoy kategorii litsa v istorii sobiratel'nykh sushchestvitel'nykh v russkom yazyke [Reflection of the lexico-semantic category of person in the history of collective nouns in Russian]. In: *Issledovaniya po semantike* [Studies in Semantics]. Ufa: [s.n.]. pp. 57–62.
 21. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
 22. Vysotskaya, I.A. (2002) *Russkoe sobiratel'noye imya v lingvopragmaticheskom aspekte* [Russian Collective Noun in the Linguopragmatic Aspect]. Rostov-on-Don: [s.n.].
 23. Tikhonov, A.N. (2002) *Sovremennyy russkiy yazyk. Morfemika. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Modern Russian Language. Morphemics. Word Formation. Morphology]. Moscow: Tsitadel'-trejd.
 24. Rozental', D.E. & Tel'enkova, M.A. (2022) *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-Handbook of Linguistic Terms]. Moscow: Mir i obrazovanie.
 25. Evgen'yeva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Vols. 1, 3. Moscow: Russkiy yazyk.
 26. Popova, T.N. (2009) Kognitivnyy aspekt russkogo dialektного slovoobrazovaniya [Cognitive aspect of Russian dialect word formation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2 (019). pp. 88–97.
 27. Vinogradov, V.V. (2001) *Russkiy yazyk (Grammaticheskoye uchenie o slove)* [Russian Language (Grammatical Doctrine of the Word)]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk.
 28. Potikha, Z.A. (1974) *Kak sdelayany slova v russkom yazyke* [How Words Are Made in Russian]. Leningrad: Prosveshchenie, Leningradskoye otdelenie.

Информация об авторах:

Багирова Е.П. – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: bagirovaelena@mail.ru

Марандина Е.Л. – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: elipihina@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.P. Bagirova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: bagirovaelena@mail.ru

E.L. Marandina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: elipihina@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.10.2024;
одобрена после рецензирования 29.12.2024; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 16.10.2024;
approved after reviewing 29.12.2024; accepted for publication 05.12.2025.*